

А.А. Голубева

Вологодский государственный университет

ОБРАЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ В ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА

Статья посвящена анализу вербализации компонентов образа национальной культуры в поэзии О.Э. Мандельштама. На примере образов Италии и Армении оценивается возможность применения полевой структуры для систематизации образных характеристик, сосредоточенных в отдельных текстах.

Образ национальной культуры, язык и культура, О.Э. Мандельштам, Италия, Армения.

Тоску по мировой культуре (мандельштамовское определение акмеизма) можно назвать доминирующим мотивом творчества Мандельштама. Практически каждый его текст – своеобразный мостик к мировой культуре, одновременно вписывающий автора в ее контекст. Насчитывается более десяти культур, характеризующих Мандельштама в его стихах и прозе, среди них: немецкая, итальянская, французская, английская, русская, украинская, армянская и др.

В результате анализа лексико-тематических групп и средств речевой выразительности разных уровней, участвующих в речевой реализации образов национальных культур в поэзии Мандельштама, выяснилось, что для него (филолога-культуролога по природе) важны следующие компоненты образа национальной культуры: язык нации, история нации, национальная архитектура, национальная литература, национальная музыка, религия нации, природа, географическая среда, а также чувства и эмоции, порождаемые пространством страны (географическим или культурным). Образ национальной культуры в поэзии Мандельштама всегда сопровождается описанием сенсорно-перцептивных процессов, протекающих во всех пяти органах чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание). Нередки случаи описания синестезии.

Рассмотрим составляющие образа, сопровождая их наиболее показательными примерами из поэтических текстов О. Мандельштама.

1. Язык нации (об итальянском: *А я люблю его неистовый досуг – / Язык бессмысленный, язык солоно-сладкий / И звуков стакнутых прелестные двойчатки... / Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг* («Ариост»), об армянском: *Колочая речь араратской долины, / Дикая кошка – армянская речь* («Колочая речь араратской долины...»), о французском: *кривые картавые ножницы* («Я молю, как жалости...»), *домашность языка, та же милая небрежность <...> это же в сердце французского языка* («Заметки о Шенье»), о русском: *Слаще пенья итальянской речи / Для меня родной язык...* («Чуть мерцает призрачная сцена...»), *А русскому стиху так свойственно величие, / Где вешний поцелуй и щебетанье птичьё!* («В непринужденности творящего обмена...»).

2. История нации (Италия: *Вы, коричневой крови наемники / Итальянские чернорубашечники, / Мертвых Цезарей злые ценки...* («Рим»), *Я вспомню Цезаря прекрасные черты – / Сей профиль женственный с коварною горбинкой! / Здесь, Капитолия и Форума вдали, / Среди увядания спокойного природы, / Я слышу Августа и на краю земли / Державным яблоком катящиеся годы...* («С веселым ржанием пасутся табуны...»), *О Цезарь, Цезарь! Слышишь ли бляньё / Бараньих стад и смутных волн движенье?* («У моря ропот старческой кифары...»), Армения: *Ты рыжебородых сардаров / Терпела среди камней и глины...* («Ты красок себе пожелала...»), *Солнца персидские деньги щедро раздаривающая...* («Армения»), *Ты видела всех жизнелюбцев / Всех казнелюбивых владык...* («Ты красок себе пожелала...»).

3. Национальная архитектура (Франция: *Язык булыжника мне голубя понятней, / Здесь камни – голуби, дома – как голубятни* («Париж»), Россия: *И пятиглавые московские соборы / С их итальянскую и русскою душой / Напоминают мне явление Авроры, / Но с русским именем и в шубке меховой...* («В разноголошце девического хора...»), Италия: *И морицинистых лестниц уступки – / В площадь льющихся лестничных рек...* («Рим»), *С черствых лестниц, с площадей / С угловатыми дворцами / Круг Флоренции своей / Алигьери пел мощней / Утомленными губами* («Слышу, слышу ранний лед...»).

4. Национальная литература (английская: *Когда, пронзительнее свиста, / Я слышу английский язык – / Я вижу Оливера Твиста / Над кипами конторских книг* («Домби и сын»), французская: *Наглый школьник и ангел ворующий / – Несравненный Виллон Франсуа...* («Чтоб, приятель и ветра и капель...»), немецкая: *Еще во Франкфурте отцы зевали, / Еще о Гете не было известий...* («К немецкой речи»), итальянская: *Круг Флоренции своей / Алигьери пел мощней / Утомленными губами...* («Слышу, слышу ранний лед...»).

5. Национальная музыка (Италия: *В тебе все дразнит, все поет, / Как итальянская рулада...* («Мне жалко, что теперь зима...»), *С висячей лестницы пророков и царей / Спускается орган, Святого Духа крепость...* («В хрустальном омуте какая крутизна...»), Грузия: *Если вечер грузинский – ни на минуту не*

умолкает гипнотическая музыка сазандарей, путешествующих от столика к столику, пока кто-нибудь из пирующих не поднимется грозно и не пропляшет лезгинку под раздирающий сердце аккомпанемент тары («Батум»).

6. Религия нации (Армения: *Якорные пни поваленных дубов звериного и басенного христианства* («Не развалины – нет, – но порубка могучего циркульного леса...»), Италия: *И кряжистого Лютера незрячий / Витаёт дух над куполом Петра* («Здесь я стою – я не могу иначе...»), *холод католической тонзуры* («Поговорим о Риме – дивный град!...»).

7. Географическая среда (Италия: *козьи тропы Италии* («Разговор о Данте»), *За нас сиенские предстательствуют горы, / И сумасшедших скал колючие соборы / Повисли в воздухе, где шерсть и тишина...* («В хрустальном омуте какая крутизна...»), Армения: *орущих камней государство, хриплые горы к оружию зовущая* («Орущих камней государство...»), *глинобитные города* («Колючая речь араратской долины...»), *желтая равнина, армянские степи* («Дикая кошка – армянская речь...»), *Страна москательных пожаров / И мертвых гончарных равнин...* («Страна москательных пожаров...»), Россия: *Белизна снегов гагачья / Из вагонного окна...* («Эта область в темноводье...»).

8. Чувства и эмоции, порождаемые пространством страны (географическим или культурным): Армения: *Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...* («Ах ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»), *Дикая кошка – армянская речь, мучит меня и царапает ухо... Я не хочу твоего замороженного винограда...* («Дикая кошка – армянская речь...»), Италия: *Венециейской жизни, мрачной и бесплодной, / Для меня значение светло. / Вот она глядит с улыбочко холодной / В голубое дряхлое стекло...* («Венециейская жизнь»), Россия: *Ничего, голубка Эвридика, что у нас студеная зима...* («Чуть мерцает призрачная сцена...»).

О.Э. Мандельштам, пытаясь унять *тоску по мировой культуре*, создавал целостные, самобытные, насыщенные неожиданными деталями образы национальных культур. Для дальнейших рассуждений удобно будет представить созданные Мандельштамом образы национальных культур в виде полевой структуры, выделяя ядро, центр (приядерную зону) и периферию. В результате анализа эмоционально-оценочной стороны текстов (представленной языковыми средствами всех уровней), пользуясь полевым структурированием, мы можем отметить, что, во-первых, ядром образа национальной культуры у Мандельштама оказываются разные компоненты (в зависимости от конкретной культуры). Так, например, в случае с образом французской культуры ядро будет представлено компонентами «национальная архитектура» и «национальная живопись», а в случае с образом итальянской культурой внимание будет сконцентрировано на литературе и истории. Во-вторых, отметим, что в ядерной или околоядерной зоне в структуре образа национальной культуры у Мандельштама всегда находится язык. Убеждение поэта в том, что язык является основой нации и культуры, нашло отражение в его статьях, стихах и прозе. Для того чтобы погрузить читателя в «чужое» художественное пространство, Мандельштаму достаточно передать (иногда при помощи

средств русского языка, иногда при помощи средств других языков) звучание иностранной речи.

В качестве примера остановимся на образах национальных культур двух стран: Италии и Армении.

О. Мандельштаму удалось дважды побывать в Италии в юношеские годы – в 1908 и 1910 гг. (по «Летописи жизни и творчества О.Э. Мандельштама», составитель А.Г. Мец) [8]. Поездки были кратковременными, о чем поэт, по свидетельству Н.Я. Мандельштам, очень сожалел: *Мандельштам испытал юношескую тоску и неврастению в те два года, что учился в Париже и в Гейдельберге, а особенно – в Италии, где был даже не на положении студента, а туриста. Больше в Италии ему не пришлось побывать, и он жалел, что в свою единственную поездку он успел так мало повидать. (До этого он из Швейцарии на день или на два ездил, кажется, в Турин.)* [9, т. 2, с. 257]. Однако впечатлений от кратких поездок (вкуче с культурно-историческими сведениями, почерпнутыми из литературы) хватило на целый ряд текстов, которые условно можно назвать «итальянским циклом». Итальянские образы и мотивы в творчестве Мандельштама развивались, отношение к ним менялось: менялись культурно-исторические и общественно-политические реалии, менялось мировоззрение поэта. Можно при этом говорить о двух пиках особого интереса Мандельштама к итальянской теме. Первый из них приходится на юношеские годы: он нашел отражение в «римских» стихах из сборника «Камень», второй приходится на более зрелые и в творческом, и в биологическом отношении 1930-е годы: он нашел отражение в двух редакциях «Ариоста», переводах Данте и Петрарки и главным труде в области итальянофилии и «всемирной отзывчивости» – эссе «Разговор о Данте».

Есть у Мандельштама и довольно внушительное число текстов, в которых тема Италии не доминирует, но присутствует как едва заметный штрих к лирическому сюжету. Супруга О. Мандельштама, Н.Я. Мандельштам, в своих мемуарах сообщает об отношении поэта к Италии следующее: *...у О. М. была своя святая земля: Средиземноморье. Отсюда постоянные возвращения к Риму и Италии в его стихах...* (Там же, т. 1, с. 339).

Мандельштам, создавая образ итальянской культуры, опирается на русскую литературную традицию. На поэта оказали влияние обращения к теме Италии и русских классицистов, и известного итальянофила К.Н. Батюшкова, и А.С. Пушкина, и некоторых современников Мандельштама (В.Я. Брюсова, Н.С. Гумилева). Сказалось и обучение в крупных европейских университетах (Гейдельберге и Сорбонне) и на романно-германском отделении историко-филологического факультета Петербургского университета. Многим представителям не только русской, но и мировой литературы (главным образом, европейской) была близка идея о том, что итальянская культура является посредником между античностью и современной культурой. Как известно, именно Италия стала родиной европейского Возрождения. Из контаминации «чужих» рецепций, проявляющихся в мельчайших деталях, и собственных взглядов рождается свой, ни на чей не похожий, мандельштамовский образ Италии.

Попытаемся обозначить некоторые сходства и различия в восприятии Италии, характерные для раннего и зрелого периодов творчества Мандельштама. В поздний период продолжается идеализация образа Италии, сохраняется и даже достигает апогея преклонение перед итальянской культурой («Разговор о Данте»), развивается мысль о духовном слиянии итальянской и русской культур. В стихотворениях позднего периода образ Италии наделяется негативными коннотациями, что связано с общественно-политическими реалиями современной поэту Италии (диктатура Муссолини), судьбой родной страны и личной судьбой (Мандельштам ощущает себя изгнанником, как и Данте). Эти замечания необходимо заранее принять во внимание, поскольку последующие рассуждения будут выстроены не по хронологическому принципу, а в соответствии с предложенной системой разделения образа национальной культуры на содержательные компоненты.

Образ Италии у О. Мандельштама представлен лексемами и сочетаниями слов с положительной коннотацией, образующими микрообразы. Главные микрообразы в итальянском цикле Мандельштама – это море (*перечисленье рыб, перчит моря, средиземный, шуми, дева на скале, солено-сладкий, жемчуг, лазорье, сольем, черноморье, чешуя, влажные глаза, лазурный мозг*), певучий итальянский язык (*бессмысленный, солено-сладкий, прелестные двойчатки, двустворчатый жемчуг* и др.), богатая римская история (*гражданская мощь, цари, войны, Цезарь, колесницы, месяцы Цезаря, волчица, классическая весна* и др.) и источник всей европейской поэзии – Данте, которым, по свидетельству А. Ахматовой, *брел поэт, страницами читая наизусть оригинальный текст «Божественной комедии»*. И. Эренбург в мемуарах отмечает внимание Мандельштама к итальянской поэзии: *Он хорошо знал французскую, итальянскую, немецкую поэзию; понимал страны, где пробыл недолго* [17, с. 98]. В период особенно острого интереса к культуре Италии в 1930-е годы Мандельштам мог уже в оригинале читать столь досточтимых Данте, Ариоста, Тасса, Петрарку. Именно к этим фигурам приковано внимание Мандельштама в «итальянском» цикле. Образы поэтов представлены антропонимами, называющими их самих или их литературных персонажей, и отражающими положительное отношение автора к создаваемому образу эпитетами и сравнениями: *И, словно музыкант на десяти цимбалах, / Не уставая рвать повествованья нить, / Ведет туда-сюда, не зная сам, как быть, / Запутанный рассказ о рыцарских скандалах... Он завирается, с Орландом куролеся...* («Ариост»), *Круг Флоренции своей / Алигьери пел мощней / Утомленными губами...* («Слышу, слышу ранний лед...»). В поздних текстах оценка Мандельштама становится менее однозначной, появляется антитеза *обворажающие – чудовища*, образы Ариоста и Тассо приобретают оксюморонность: *Что, если Ариост и Тассо, обворажающие нас, / Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз* («Не искушай чужих наречий...»). Однако и в текстах с амбивалентной оценкой образов итальянских художников слова Мандельштам не перестает утверждать, что благозвучие, гармоничность, божественную плавность итальянский язык приобрел благодаря им.

Мандельштам был по-настоящему очарован итальянским языком с присущими его фонетике такими качествами, как *инфантильность, прекрасная детскость, близость к младенческому лепету*. Как сообщает И. Эренбург, эти размышления Мандельштама об итальянской фонетике поражали итальянцев, которым он переводил строки из «Разговора о Данте» [17, с. 98]. О. Зубакина в статье «“Не искушай чужих наречий...” итальянский язык у Батюшкова и Мандельштама» ссылается на предположение М.Л. Гаспарова о том, что *подчеркнутый интерес Мандельштама именно к звучанию итальянского языка связан с тем, что Мандельштам к моменту написания «Разговора о Данте» только начал учить итальянский, а на этой стадии всегда делается акцент на фонетике* [6, с. 125–137].

Историческую, литературную и культурную Италию (античный Рим, Италию эпохи Возрождения) Мандельштам воспринимает как земной рай: *А я люблю его неистовый досуг – / Язык бессмысленный, язык солено-сладкий / И звуков стакнутых прелестные двойчатки... / Боюсь раскрыть ножом двустворчатый жемчуг. / Любезный Ариост, быть может, век пройдет – / В одно широкое и братское лазорье / Сольем твою лазурь и наше черноморье. / ...И мы бывали там. И мы там пили мед...* («Ариост»). Лексемы и словосочетания, отражающие сенсорное восприятие лирического героя, имеют положительные коннотации: *неистовый досуг, прелестные двойчатки звуков, лазурь, мед*. Любовь к итальянской культуре, преклонение перед ней, желание соединить русскую и итальянскую культуру подчеркнуто лексемами, эксплицитно выражающей отношение автора лексемой «люблю», эпитетом «любезный». Лексемы с корнем -люб- могут отсылать нас к известной характеристике итальянского языка, отраженной в романе «Евгений Онегин» А.С. Пушкина: *язык Петрарки и любви*. Строка *И мы бывали там...* поддерживает ассоциацию с А.С. Пушкиным: под местоимением «мы» скрываются лирический герой Мандельштама, лирический герой А.С. Пушкина (через строки из поэмы «Руслан и Людмила») и, возможно, в более широком понимании – все русские поэты, все русские деятели культуры, весь русский народ.

Образ исторической Италии антитетичен образу Италии современной – *рассаднику фашизма с диктатором-выродком Муссолини и италийскими чернорубашечниками*, которых поэт сравнивает со щенками. Всплеск негативного отношения к социально-политической жизни современной Италии подчеркнут введением в текст слова *выродок*, имеющего в толковом словаре пометы «разговорное» и «презрительное» [14, т. 1, с. 277].

Противопоставлена и итальянская архитектура разных эпох (архитектуре, как известно, Мандельштам уделял особое внимание в своем творчестве). Архитектура античного Рима удивительно гармонирует с природой, что проявляется в синонимизации и даже отождествлении лексем «природа» и «Рим». Образный параллелизм «природы» и «Рима» поддержан архитектурно-природными метафорами *форум полей, колоннада роуци: Природа – тот же Рим и отразилась в нем. / Мы видим образы его гражданской мощи*

/ В прозрачном воздухе, как в цирке голубом, / На форуме полей и в колоннаде роции («Природа тот же Рим и отразилась в нем...»). Отождествление лексем «Рим» и «природа» ассоциативно приводит к отождествлению понятий «природа» и «культура» (в данном случае – античная). В современной же Италии: *Ямы Форума заново вырыты / И открыты ворота для Ирода* («Рим»). Отсутствие мягких согласных, аллитерации сонорных, особенно звука [p], придают тексту жесткость и эксплицируют отрицательную авторскую оценку диктатуры «выродка» Муссолини. Поддерживает отрицательную оценку и обращающий на себя внимание при зрительном и слуховом восприятии этих строк гласный звук [ы], который, как показывают эксперименты А.П. Журавлева, ассоциируется с чем-то большим, страшным, грубым, темным: *Ы – мрачный темно-коричневый или черный* [5, с. 102]. Уместно будет вспомнить здесь и особую неприязнь к звуку [ы] А. Белого, нашедшую отражение в его романе «Петербург»: *Я вообще презираю все слова на «еры», в самом звуке «Ы» сидит какая-то татарщина, монгольство, что ли, восток. Вы послушайте: «Ы». Ни один культурный язык «Ы» не знает: что-то тупое, циничное, склизкое* (роман «Петербург»); *Я боюсь буквы Ы. Все дурные слова пишутся с этой буквой: р-ыба (нечто литературно бескровное), м-ыло (мажущаяся лепёшка из всех случайных прохожих)...* [1, с. 88]. Важно отметить и появление в поздних стихотворениях об Италии и библейскую аллюзию – упоминание имени Ирода, угнетателя евреев (что особенно значимо для Мандельштама), являющегося символом злости и жестокости.

Обращая внимание на компонент «религия», стоит отметить, что в цикле стихотворений об Италии прoustупает интерес Мандельштама к папскому Риму. Поэт вслед за П.Я. Чаадаевым находил в римском выражении христианства высшее единство, которое было так необходимо России. Римский авторитет и порядок соответствуют потребности Мандельштама, Чаадаева и, по их мнению, всей России в постоянстве. В стихотворении «Посох» Мандельштам фактически заключает, что возможность увидеть Рим может быть самоцелью путешествия: *Снег растает на утесах – / Солнцем истины палим... / Прав народ, вручивший посох / Мне, увидевшему Рим!* («Посох»).

В «итальянском» цикле Мандельштама есть возможность и отдельный подцикл – стихотворения, посвященные Риму. Мы не будем подробно останавливаться на них, лишь приведем примеры наиболее ярких характеристик, которыми поэт наделяет «Вечный город»: *медленный Рим-человек, место человека во вселенной, дивный град* (ранний период, положительная оценка) и *Город, любящий сильным поддакивать; онепеленный, пепельный, Город, ласточкой купола лепеленный / Из проулков и из сквозняков* («Рим») (поздний период, неоднозначная оценка).

И. Эренбург в мемуарах замечает присущую Мандельштаму способность воспринимать мир будто бы всеми органами чувств сразу: *Одним поэтам присуще звуковое восприятие мира, другим – зрительное. Блок слышал, Маяковский видел. Мандельштам жил в различных стихиях* [17, с. 97]. Метафоры и эпитеты, которые использует Мандельштам в стихотворениях

итальянского цикла, подтверждают это высказывание. По способу восприятия явлений действительности их можно условно разделить на обонятельные, осязательные, вкусовые, синестетические и т.д.

Подводя итог, отметим, в «итальянском» цикле О. Мандельштама Италия предстает, прежде всего, сокровищницей мировой культуры в целом и литературы (как основной ее составляющей) в частности. Мандельштамовед В. Террас в статье «Классические мотивы поэзии Осипа Мандельштама» говорит о том, что «мировая культура» является лейтмотивом мандельштамовской поэзии: *...поэзия Мандельштама имеет такое же или почти такое же отношение к Италии Данте и Боттичелли, Франции Вилона и Расина, Англии Чарльза Диккенса и Шотландии сэра Вальтера Скотта, к Византии и папскому Риму, и даже древнему Египту, как к древней Элладе и Риму* [15, с. 20].

Вожденное путешествие в Армению Мандельштаму удалось совершить в 1930-м году. Н.Я. Мандельштам в книге воспоминаний объясняет, почему поэт избрал местом паломничества именно эту страну: *Древние связи Крыма и Закавказья, особенно Армении, с Грецией и Римом казались ему залогом общности с мировой, вернее, европейской культурой* [9, т. 1, с. 340]. Плодом долгожданного паломничества стала проза «Путешествие в Армению» и цикл стихов «Армения».

Образ армянской культуры, как и итальянской, Мандельштам создавал не без опоры на русскую литературную традицию. Во-первых, при анализе образа армянской культуры стоит учитывать, что Мандельштам был хорошо знаком с «Путешествием в Арзрум» А.С. Пушкина. Некоторые исследователи уже выходили на сопоставление этих тестов и искали в них сходства и различия. Во-вторых, на глазах Мандельштама разворачивалась культуртрегерская деятельность В.Я. Брюсова по выстраиванию диалога русской и армянской культур. «Мандельштамовская энциклопедия» зарождение интереса Мандельштама к Армении связывает именно с В.Я. Брюсовым: *Своим первым прикосновением к армянской культуре О.М. обязан лекции В.Я. Брюсова, об армянской поэзии в Политехническом музее в Москве, прочитанной 28.1.1916* [11, т. 1, с. 86]. Фигура В.Я. Брюсова по праву занимает одну из ключевых позиций в области русско-армянского культурного взаимодействия. Он является автором переводов с армянского языка, исторических и стиховедческих научных трудов и очерков («Летопись исторических судеб армянского народа», «Поэзия Армении и ее единство на протяжении веков», антология армянской поэзии), поэтического цикла «В Армении». Однако важно отметить, что образный мир Мандельштама, несмотря на историко-литературную преемственность, связь с современным поэту литературным процессом, оригинален и самобытен, что выражается, прежде всего, в выборе средств речевой выразительности.

К поездке в Армению Мандельштам долго и ответственно готовился: читал «Историю Армении Моисея Хоренского», «Историю Армении» Фавстоса Бузанда, книгу И.И. Шопена «Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи». Кроме того, поэт

задолго до поездки начал учить армянский и древнеармянский (грабар) языки, затем брал уроки армянского языка в Армении и не оставил этого занятия по возвращении в Москву. Сохранилось пять листов переводов Манделъштама с древнеармянского. Источники четырех листов из пяти установлены – это переводы из книг IV и VI хроник Фавстоса Бузанда «Истории Армении» (V век) и из книги «История императора Иракла» епископа Себеоса. Одни исследователи относят переводы Манделъштама с древнеармянского к 1931 г. и Москве, другие же (в частности, П.М. Нерлер, который занимался реконструкцией путешествия в Армению Манделъштама [12]) – сообщают, что данные тексты относятся к периоду пребывания в Ереване. Для нас существенно лишь особое внимание Манделъштама к армянскому языку, который можно по праву назвать главным героем и «Путешествия в Армению», и поэтического цикла «Армения». Язык – доминантный компонент образа Армении у Манделъштама, именно посредством языка происходит соединение истории и современности и доказываемая справедливость манделъштамовской мысли о том, что постижение современной культуры начинается с постижения ее истоков – культуры древней.

Оценка образа Армении у О. Манделъштама эксплицируется через многочисленные перифразы (книга, по которой учились первые люди, страна москательных пожаров и мертвых гончарных равнин, орущих камней государство) и сложные метафорические эпитеты (*хриплые горы к оружью зовущая, солнца персидские деньги щедро раздаривающая*). Лейтмотив «Армянского цикла» Манделъштама – противостояние жизни и смерти, к нему примыкают «детский» и «зверинный» мотивы: *Ты красок себе пожелала – / И выхватил лапой своей / Рисующий лев из пенала / С полдюжины карандашей. / Страна москательных пожаров / И мертвых гончарных равнин, / Ты рыжебородых сардаров / Терпела средь камней и глины...* («Ты красок себе пожелала...»). По справедливому замечанию И.М. Семенко, образу Армении у Манделъштама присущи черты *благородной древности, патриархального мирного быта и труда, исторических испытаний, специфического пейзажа и природных условий, а также характерного для страны человеческого типа, фонетических и графических особенностей устной и письменной речи* [13, с. 36]. Они появляются как результат непосредственного восприятия страны глазами не простого путешественника, но хорошего знатока армянской истории, геральдики, литературы и культуры.

Интерес Манделъштама к истории подчеркивается в заметке «От редакции» газеты «Литературная Армения» перед публикацией в ней цикла «армянских» стихов: *Одной из излюбленных поэтических тем Манделъштама была история: прошлое, от которого остаются жить в настоящем вечные, неумирающие (sic!) ценности; время, запечатлевающееся (sic!) в облике народа, страны, земли, и время же, обновляющее их облик* [3, с. 29]. Практически в каждом обращении поэта к Армении актуализируются те или иные события ее национальной истории: *Ты рыжебородых сардаров / Терпела средь камней и глины...*

Ты видела всех жизнелюбцев / Всех казньлюбивых владык... («Ты красок себе пожелала...»), Хриплые горы к оружью зовущая, К трубам серебряным Азии вечно летящая, Солнца персидские деньги щедро раздаривающая («Орущих камней государство...»).

Армения – это «колыбель» христианства, младшая сестра Иудеи, Земли обетованной. Из осененной божественным духом земли вырастает не менее величественная архитектура. Описание, казалось бы, невзрачной *аштаракской церковки* заканчивается удивительной ассоциацией с собором Святого Петра в Риме: *Дверь – тише воды, ниже травы. Встал на цыпочки и заглянул внутрь: но там же купол, купол! Настоящий! Как в Риме у Петра, под которым тысячные толпы, и пальмы, и море свечей, и носилки...* («Аштарак»). Армения дышит *осьмигранными плечми мужицких бычачьих церковей*, христианство – ее воздух. Г.И. Кубатьян в статье «От слова до слова. Комментарий к циклу О. Манделъштама “Армения”» подробно анализирует эпитеты, которыми поэт наделил армянские церкви. Эпитет «бычачьи», по мнению Г. Кубатьяна, появился потому, что *Храмы в Армении... производят впечатление силы, устойчивости, крепости; чудится, что они напряжились, именно что набычились...* А эпитет *мужицкие* объясняется тем, что *Армянская церковь изумительно проста, лишена всяких излишеств, ее эстетическое кредо сродни простонародному, крестьянскому принципу: чем функциональнее, тем красивее* [7, с. 147].

При чтении цикла «Армения» возникает ощущение сопричастности автору в постижении богатейшей национальной культуры этой страны. Создавая образ армянской культуры, Манделъштам (как и в случае с Италией) прибегает к описанию воздействия культурного и географического пространства Армении на все органы чувств. Прежде всего, стоит отметить неоднократно появляющиеся на протяжении всего цикла номинации ярких оттенков: сурик и охра (красный и желтый) – главные цвета горного ландшафта, а также лазурь и бирюза, связанные с небом и водным пространством: *Вытащил горный рыбак расписные лазурные сани («Холодно розе в снегу...»), Желтуха, желтуха, желтуха / В проклятой горчичной глуши («Армения»), Лазурь да глина, глина да лазурь, / Чего ж тебе еще? Скорей глаза сощурь, / Как близорукий шах над перстнем бирюзовым... («Лазурь да глина, глина да лазурь...»), А близорукое шахское небо – / Слепорожденная бирюза – / Все не прочтет пустотелую книгу / Черной кровью запекившихся глины...* («Ключая речь араратской долины...»). В стихотворении о Ереване – столице Армении – Манделъштам пытается разгадать, кто является автором этих пейзажей: *Ах, Эривань, Эривань! Иль птица тебя рисовала, / Или раскрашивал лев, как дитя, из цветного пенала?* Не менее значимыми для поэта оказываются слуховые ощущения: *Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло... («Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»), Твое пограничное ухо – / Все звуки ему хороши... («Как люб мне натугой живущий...»), Какая роскошь в нищенском селенье – / Волосная музыка воды! / Что это? пряжа? звук? предупрежденье? / Чур-чур меня! Далеко ль до беды!; И в лабиринте влажного распева / Такая душная стрекошет мгла...*

(«Какая роскошь в нищенском селении...»), *Над книгой звонких глин* («Лазурь да глина, глина да лазурь...»), *Рожаящий, спящий, орущий, / К земле призвожденный народ...* («Как люб мне натугой живущий...»). Национальная кухня для Мандельштама также является частью культуры, главные гастрономические образы армянского цикла – это лаваш, щербет (напиток), виноград, сыр: *Как нагибается булочник, с хлебом играющий в жмурки. / Из очага вынимает замороженного винограда...; Ах, Эривань, Эривань! Не город – орешек каленый* («Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло...»), *Розовый мусор – муслин – лепесток соломоновъ – / И для шербета негодный дичок, не дающий ни масла, ни запаха...* («Руку платком обмотай и в венценосный шиповник...»), *А за нею с узелками сыра, / Еле дух переводя, бегут курдины...* («О порфирные цокая граниты...»), *эрзерумская кисть винограду* («Дикая кошка – армянская речь...»). Обаятельных образов в цикле немного – это *горный воздух* и лепестки розы. Через описание широкого спектра чувств создается впечатление, будто Мандельштам воспринимает армянскую культуру изнутри, душой и сердцем армянина.

О значении армянского травелога Мандельштама М.И. Цветаева в мемуарном очерке «История одного посвящения» пишет следующее: *Мандельштам так увидел, услышал и понял Армению, поведал о ней так ородненно, таким музыкальным и смысловым и точным словом, что смысл и эмоция, образы и детали, самый мотив и стихотворного, и прозаического его «разговора» об Армении ороднили ее для многих, проникли наследуемой и обращающейся классикой – «золотой валютой» – в непрекращающийся ряд других, с Арменией связанных, разговоров по-русски...* [16]. Мандельштам сумел очень точно передать читателю радость от слияния с незнакомым миром. Стирание временных и пространственных границ, свобода перемещений во времени и пространстве, живость и эмоциональность мандельштамовских образов делают тексты поэта близкими не только его современникам – они актуальны и сегодня.

Кроме уже отмеченной установки (присутствие компонента «язык» в приядерной зоне в структуре образа национальной культуры), в творчестве Мандельштама отразились и другие эстетические установки, стирающие национально-культурные границы. Многие исследователи отмечали уникальную способность поэта проникать в прошлое, оживлять его (через пародию, демократизацию и др.), делать «своим» и современным. Сопричастность Мандельштама «чужим» культурам ученые сравнивают со «всемирной отзывчивостью» Пушкина, отменной Ф.М. Достоевским в «Пушкинской речи». Все лучшее, что Мандельштам увидел, услышал, но, прежде всего, прочитал, вследствие своей культурной значимости перемешивается (несмотря на национальные и исторические различия) и встает в один ряд: Верлен и Тютчев, Данте и Пушкин, Ариост и Батюшков, Гомер и Гете, Расин и Вийон. Это применимо не только к литераторам, не только к искусству, но и к различным эпохам. Временные и пространственные барьеры снимаются, ибо любые разделения ничтожны перед Словом: *Ныне*

происходит как бы явление глоссолалии. В священном испуге поэты говорят на языке всех времен, всех культур. Нет ничего невозможного. Как комната умирающего открыта для всех, так дверь старого мира настежь распахнута перед толпой. Внезапно все стало достоянием общим. Идите и берите. Все доступно: все лабиринты, все тайники, все заповедные ходы. Слово стало не семиствольной, а тысячествольной цевницей, оживляемой сразу дыханием всех веков. В глоссолалии самое поразительное, что говорящий не знает языка, на котором говорит... [10, т. 1, с. 216]. В процитированной статье Мандельштама «Слово и культура», чрезвычайно важной для понимания его эстетических установок, хочется отметить еще одну подтверждающую наши рассуждения мысль. Мандельштам предупреждает возможные обвинения в излишней сосредоточенности на прошлом: *Часто приходится слышать: это хорошо, но это вчерашний день. А я говорю: вчерашний день еще не родился. Его еще не было по-настоящему. Я хочу снова Овидия, Пушкина, Катулла, и меня не удовлетворяет исторический Овидий, Пушкин, Катулл...* (Там же, с. 213). Исследователь А.Б. Ботникова в статье «Поэзия «распахнутого кругозора», анализируя мандельштамовскую *тоску по мировой культуре*, утверждает, что причина преклонения Мандельштама перед мировой культурой отнюдь не в блестящем образовании, а в *присущей ему постоянной потребности в общении с памятниками мирового искусства, в его особой эстетической восприимчивости и отзывчивости. Даже в суровых условиях воронежской ссылки он держал у себя книги, размышлял над словами «чужих певцов»* [2, с. 325]. До А.Б. Ботниковой об уникальной культурной отзывчивости Мандельштама точно и емко высказывался В.М. Жирмунский: *Пользуясь терминологией Фридриха Шлегеля (45), можно назвать его стихи не поэзией жизни, а «поэзией поэзии» («die Poesie der Poesie»), т. е. поэзией, имеющей своим предметом не жизнь, непосредственно воспринимаемую самим поэтом, а чужое художественное восприятие жизни. Мандельштаму свойственно чувствовать своеобразие чужих поэтических индивидуальностей и чужих художественных культур, и эти культуры он воспроизводит по-своему, проникновенным творческим воображением. Он делает понятными чужие песни, пересказывает чужие сны, творческим синтезом воспроизводит чужое, художественно уже сложившееся восприятие жизни* [4, с. 123].

При всем преклонении Мандельштама перед мировой культурой называть его космополитом вряд ли будет справедливо. Поэт постоянно рефлексировал над своими культурными и языковыми корнями, что отразилось и в его стихах, и в прозе, и в публицистике, и в эпистолярной. «Неисправимого звуколюбца», тоскующего по мировой культуре, постоянно искал «чужие» культуры и языки, отношение к «своему» и «чужому» постоянно менялось. Но несмотря на все попытки исхода из родной культуры и речи, вопреки их бесчисленным недостаткам, Мандельштам все же выбирает русский язык, русскую культуру, Россию (в непростые для нее времена). Думается, здесь Мандельштам бы согласился с поэтом А.С. Кушнером:

Времена не выбирают... Особенно ярко муки выбора и конечный результат рефлексий по поводу «своего» и «чужого» видны на примере выстраивания взаимоотношений поэта с языком и культурой.

Литература

1. Белый, А. Собрание сочинений. Петербург: Роман в 8 главах с прологом и эпилогом / А. Белый ; послесловие В. М. Пискунова / А. Белый. – Москва : Республика, 1994. – 464 с.
2. Ботникова, А. Поэзия «распахнутого кругозора» / А. Ботникова // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биограф. «Новые стихи». Комментарии. Исследования / А. Ботникова. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1990. – С. 323–336.
3. Гончар, Н. Итоги полувековой обращенности Армении к Осипу Мандельштаму / Н. Гончар, К. Мхитарян // Вестник Ереванского университета. Русская филология. – 2016. – № 2 (5). – С. 28–54.
4. Жирмунский, В. М. Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика / В. М. Жирмунский. – Ленинград : Наука, 1977 – 406 с.
5. Журавлев, А. П. Звук и смысл : книга для внеклассного чтения учащихся старших классов / А. П. Журавлев. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Просвещение, 1991. – 160 с.
6. Зубакина, О. В. «Не искушай чужих наречий...»: Итальянский язык у Батюшкова и Мандельштама / О. В. Зубакина // Русская антропологическая школа: Труды / О. В. Зубакина. – Москва, 2004. – Вып. 1. – С. 125–137.
7. Кубатьян, Г. От слова до слова. Комментарии к циклу О. Мандельштама «Армения» / Г. Кубатьян // Вопросы литературы. – 2005. – № 5. – С. 146–182.
8. Летопись жизни и творчества О. Э. Мандельштама / составитель А. Меца при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева [и др.]. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Интернет-издание, 2019. – 512 с.
9. Мандельштам, Н. Я. Собрание сочинений в двух томах / Надежда Мандельштам. – Екатеринбург : Гонзо, 2014. – Т. 1. – 864 с.; Т. 2. – 1008 с.
10. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений в 4 томах / О. Э. Мандельштам. – Москва : Арт-Бизнес-Центр, 1993–1999. Подготовлено Мандельштамовским обществом. – Т. 1. – 368 с.; Т. 2. – 704 с.; Т. 3. – 528 с.; Т. 4. – 608 с.
11. Мандельштамовская энциклопедия : в 2 томах / [главный редактор П. М. Нерлер, О. А. Лекманов]. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – Т. 1 – 574 с.; Т. 2. – 485 с.
12. Нерлер, П. «Путешествие в Армению» и путешествие в Армению Осипа Мандельштама: попытка реконструкции / П. Нерлер // Знамя. – 2015. – № 11. – С. 123–151.
13. Семенко, И. М. Поэтика позднего Мандельштама / И. М. Семенко. – Москва : Ваш Выбор ЦИРЗ, 1997. – 144 с.
14. Словарь русского языка : в 4 томах / РАН, Институт лингвистических исследований ; под редакцией А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. – Т. 1. – 702 с.; т. 2. – 736 с.; т. 3. – 750 с.; т. 4. – 797 с.
15. Террас, В. И. Классические мотивы в поэзии Осипа Мандельштама / В. И. Террас // Мандельштам и античность: сборник статей. – Москва, 1995. – С. 12–32.
16. Цветаева, М. История одного посвящения / М. Цветаева. – URL: <http://tsvetaeva.lit-info.ru/tsvetaeva/proza/istoriya-posvyascheniya.htm> (дата обращения: 25.05.2022). – Текст : электронный.
17. Эренбург, И. Собрание сочинений : в 8 томах / И. Эренбург. – Москва : Художественная литература, 2000. – Т. 7. – 862 с.

A.A. Golubeva

THE IMAGE OF NATIONAL CULTURE IN THE POETRY OF O. E. MANDELSTAM

The article analyses the verbalization of the components of the national culture image in the poetry of O.E. Mandelstam. Using the example of images of Italy and Armenia, A.A. Golubeva considers the possibility of using a field structure to systematize figurative characteristics concentrated in individual texts.

Image of national culture, language and culture, O.E. Mandelstam, Italy, Armenia.